

ГЛАВА 4. КУЛЬТУРА И МОРАЛЬ

Основной автор: ***В.А. Куренной****,
заведующий кафедрой наук о культуре НИУ ВШЭ,
заведующий отделением культурологии НИУ ВШЭ

Под редакцией ***А.Н. Архангельского***,
ординарного профессора, руководителя
департамента журналистики НИУ ВШЭ

Введение

Культура живет в двух измерениях: горизонтальном и вертикальном. С одной стороны, это широкая область *жизненных практик*, основанных на ценностях и символических представлениях. С другой – высокий мир *художественных и моральных образцов*. В здоровом обществе два измерения неразрывно связаны, в проблемном – жизненные практики и культурные образцы разведены. Люди думают одно, говорят другое, делают третье.

Но и в нормальной ситуации, и в условиях разрыва образцов и практик культура сохраняет важное свойство: она инертна, в нее заложено сопротивление материала. Чтобы осуществить перемены в культуре, надо запастись терпением. Зато и дивиденды от успеха невероятно высоки: произведенные «настройки» будут работать долго, автономно и оказывать влияние на все стороны жизни.

Результат необходим, как никогда: все российские реформы упираются в незримую преграду культурной инерции и откатываются назад. Картина жизни, которая формируется высокой культурой и транслируется культурой массовой, привычки, стереотипы и бытовые установки, закрепленные в наших культурных практиках, трудно совместить с идеями демократии, свободного рынка и общественной саморегуляции. Формула «народ не готов к демократии» не так беспочвенна, как кажется подчас. И, к сожалению, не только к демократии. Главный вопрос – что нужно делать в долгосрочной и среднесрочной перспективе, чтобы русский мир оказался готов к основным вызовам современности без революционной ломки.

---

* Автор благодарит экспертов, участвовавших в обсуждении предыдущих вариантов доклада, участников ситуационного анализа «Региональная и городская культура», состоявшегося 12 апреля 2013 г., авторов использовавшихся при подготовке доклада работ.

Особую благодарность автор выражает Вахштайну В.С. – заведующему кафедрой теоретической социологии и эпистемологии РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; Долгину А.Б. – заведующему кафедрой прагматики культуры НИУ ВШЭ; Иванову П.С. – координатору движения «Тверские своды» (г. Тверь); Караганову С.А. – почетному председателю Президиума Совета по внешней и оборонной политике; Карпенко А.М. – координатору-аналитику Совета государств Балтийского моря (г. Калининград); Карповой О.В. – декану факультета «Управление социокультурными проектами» МВШСЭН; Коробейникову Е.А. – руководителю проекта UrbanUrban.ru; Лукьянову Ф.А. – главному редактору журнала «Россия в глобальной политике», председателю Президиума СВОП; Мильграму Б.Л. – художественному руководителю КГАУК «Пермский академический Театр-Театр»; Михайлову К.П. – координатору общественного движения «Архнадзор», члену Общественной палаты РФ; Никифоровой Н. – менеджеру проектов группы компаний «Магnezит» (г. Сатка, Челябинская область); Пузанову К.А. – заведующему отделом комплексных социально-культурных программ Московского института социально-культурных программ (МИСКП); Рогозину Д.М. – директору Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС; Хестанову Р.З. – директору Института социально-культурных программ.

Автор также благодарит координатора рабочей группы по культуре программы СВОП «Стратегия XXI» А.А. Салмину за ее эффективную помощь.

Возможен ли прорыв?

Прежде чем указать на болевые точки, нужно понять, возможен ли прорыв. *При всех противоречиях эпохи к сегодняшнему дню произошло главное – элиты осознали цель: создание единой гражданской нации.* Причем это касается всех элит – и провластных, и оппозиционных. Различие (подчас трагически неразрешимое) – в методах, механизмах и ориентирах. Но предпосылки для движения вперед появились, и ключевую роль играет культурная политика, потому что именно культура составляет основу гражданской нации.

И здесь у нас есть неизменный «золотой запас», система классических образцов, о которой шла речь выше. Если свести все к жесткой схеме, то получается следующее:

1. русская высокая культура признана всеми странами и народами как самобытная, при этом равноправно-европейская, открытая любому позитивному влиянию и способная влиять сама;
2. она мощно проявляется в музыке, изобразительном искусстве, но ее общепризнанное ядро – классическая литература, явившая миру духовные и эстетические ориентиры, переводимая, изучаемая, восхищающая читателей по всему миру;
3. в свою очередь, в этом ядре есть свой «ядерный центр», творчество Пушкина, которое и реально, и символически объединяет историческую нацию;
4. российские классики XIX и XX веков сформировали целостную этическую систему, соединяющую религиозные мотивы и светскую образность в неразрывное единство;
5. во всех сферах искусства русская культура может предъявить *взаимоисключающие* примеры мировых шедевров – от иконописи до постмодернизма, от Рублева до Малевича, от Ломоносова до Хлебникова, от Чайковского до Шнитке, поскольку она обладает счастливой способностью осваивать *любые* художественные идеи, быть одновременно глубоко архаической и предельно новаторской;
6. никакие попытки отрицать этот пласт российской цивилизации и разрушать фундамент никогда не давали результата – даже сталинизму пришлось отказаться от борьбы с классической традицией и признать ее победу над революционными лозунгами;
7. русской культурой в ее разнообразных проявлениях (литература, искусство, музыка, инженерная мысль, научное просветительство) создана своеобразная матрица, которая продолжает воспроизводиться из поколения в поколение, она предусматривает успешность штучных проектов, склонность к прорывным решениям, лидерский характер образования, трудности с конвейерными, регулярными, обезличенными технологиями;
8. при всех сбоях российской истории, особенно в советский период, высокая культура служит соединительным элементом, который обеспечивает *единство* национальной истории поверх идеологических барьеров и государственных границ, включая эмиграцию;

9. она дает гражданину испытывать естественное чувство гордости за «свое», родное, как бы ни складывались внешние и внутренние обстоятельства;
10. и в благоприятные, и в неблагоприятные периоды российская высокая культура продолжала развиваться, она не превратилась в ностальгический миф об утраченном прошлом и по сей день сохраняет конкурентоспособность на мировом культурном рынке;
11. самое традиционное в русской культуре – ее способность к постоянному самообновлению и умение вписать в традицию все наиболее авангардное и актуальное, что есть на свете.

У нас сложился многослойный комплекс символических представлений, которые многое определяют в поведении россиян, притягии и отторжении ими политических решений и экономических реалий. Он несет в себе и благие, и опасные начала. То, что вершинная русская культура возникла в имперский период, неизбежно накладывает отпечаток и на современную картину мира, которая живет в сознании россиян. Никакой империи нет, а имперский взгляд на самих себя и окружающий мир сохраняется. И с этим взглядом нужно не бороться, а трансформировать его, отдавая себе отчет в сложности и масштабности задач. О том, какие практические шаги возможны и необходимы, сказано ниже, но ключевой формулой культурной политики в области символических представлений, художественных и этических образцов должен стать лозунг – *сохранение через развитие*.

Причины провалов: негативный исторический отбор

Если с образцами у нас все обстоит, как минимум, неплохо, то на уровне культурных практик наблюдаются сплошные системные сбои. Причины лежат в исторической плоскости. В XX веке произошел *двойной негативный отбор*.

- Советская власть осуществила массовый репрессивный демонтаж культурных укладов, поскольку ее лидеры и идеологи верили в утопию «формовки» нового человека. Стремительно деградировали основные зоны культурной устойчивости, которые всегда образуются вокруг семьи, церкви, трудовой этики, самоорганизованных сообществ (соседство, земство) и др. Общество приобрело травматическую память-представление о государстве как силе репрессивной и антинародной. В ответ оно вырабатывало сложную теневую структуру культурных практик, свободную от государственного контроля: это и альтернативная культура интеллектуалов, и криминальные понятия уголовной среды. Подпольная логика всегда потенциально опасна, но так просто от возникших патологий не избавиться – они будут долго влиять на нашу реальность.
- В постсоветский период произведен второй демонтаж – всех официальных структур и практик, поддерживаемых коммунистической властью. А поскольку новые лидеры верили в другую утопию, в железную руку рынка, институциональное поле вовсе осталось пустым. И со дна, из коллективного бессознательного, поднялись самые темные и живучие практики – хищнический индивидуализм, законы стаи (банды), ксенофобская риторика, ложь как норма существования. Это усугубило атомизацию общества, неизбежную в период резких перемен.

В результате к началу 2000-х гг. мы получили деформированную, искаженную систему нравов и ценностей общества. Ей присущи три черты:

1. *массовый патернализм*, инфантильное иждивенчество, особенно в моногородах;
2. как следствие – рост *шкурного индивидуализма* под прикрытием коллективистских лозунгов, неспособность к любым формам солидарного поведения и самоорганизации, социального компромисса, недоверием как нормой выживания;
3. *извращенные формы сообществ* – тневые, нелегальные практики, основанные на распаде традиционной морали, культуре бытового насилия и отрицании публичной нормы.

Справившись со многими отрицательными чертами 1990-х гг., но не выработав современного представления о культуре как целостной системе жизненных ориентиров, элиты нулевых развернулись к позднесоветскому опыту. С двух сторон – государственнической и оппозиционной – воспроизведена устаревшая модель: «обыватель – государство – диссидент». Широкие слои населения остаются пассивными потребителями культуры, которые ждут предложений от государства как единственного распорядителя культурных благ; напротив, активное меньшинство вообще не видит в государстве партнера. Для

первых оно верховный вождь, для вторых – агрессивная сила, от которой лучше держаться подальше. Еще опаснее, что ни патернализм, ни шкурный индивидуализм, ни культура насилия не побеждены, в чем-то они даже усилились.

В обозримом будущем государство будет по-прежнему играть для одних групп (большинства) роль первой скрипки, а для других (меньшинства) – главной помехи. Но необходимо поставить долгосрочную **цель**: избавиться от культурного иждивенчества и патернализма, одновременно вернуть доверие к государству со стороны активных групп населения. Для этого использовать управленческие **методы**:

- поэтапно перераспределять ответственность за культурную инициативу в пользу органов местного самоуправления,
- поддерживать (особенно в крупных городах) позитивные культурные проекты локальных сообществ и неуклонно снижать конфронтационное напряжение в отношениях с волонтерскими группами,
- вести среди руководителей всех звеньев пропаганду культуры как естественной нормы и условия развития, организуя системные курсы лекций о современной культуре и обучающие семинары по инструментам и технологиям культурной политики.

Средства достижения целей очевидны: бюджетная политика, целевые и грантовые программы, административный контроль (условие кадрового продвижения – включенность в вопросы культуры).

Отчуждение общества от государства и проблема воспитания патриотизма

Все это – лишь первые шаги навстречу главной задаче: сближению далеко разошедшихся культурных образцов и культурных практик во имя создания гражданской нации – современной, успешной позитивно настроенной, единой в своем разнообразии. Одновременно нужны кардинальные перемены в сфере воспитания *общероссийского патриотизма*. Без него гражданская нация невозможна, но он остается мертвым лозунгом, потому что предъявляемые высокие образцы (хоть пушкинские, хоть советские) отторгаются практикой ежеминутного цинизма и опытом взаимного отчуждения общества и государства.

Для массового сознания Родина – не мать, в лучшем случае – мачеха. Равнодушно относясь к праву государства на злоупотребления, в том числе политические, носители этого сознания требуют для себя одного – чтобы никто не вмешивался в их жизнь. Для части верхнего слоя – Родина наемная кормилица. Вещая об интересах Отечества и прославляя политику «национализации элит», они прикрывают патриотической риторикой тотальную коррупцию.

В таких условиях прямолинейная идеологическая пропаганда патриотизма методами кино и телевидения, тем более книгоиздания и театральные постановки на заданные темы обречена на неудачу. Она способна лишь множить привычное коррумпированное двоемыслие, где показной официоз соседствует с откровенным практическим цинизмом. Что нужно, чтобы переломить ситуацию? Не тратить огромные средства на заказ «нужных» фильмов на «правильные» сюжеты (когда атмосфера здорового патриотизма сложится в обществе, такие фильмы появятся без всякого идеологического заказа; кстати, изредка они уже появляются). Нужно заняться разумной политикой исторической памяти (см. главу Стратегии о политике исторической памяти) и прежде всего – начать медленную и настойчивую работу на базовом, локальном уровне с упором на детей и молодежь.

Любовь к Отчизне начинается с малой родины, а лучшая стратегия здесь – *культура локального патриотизма*: знание истории и природы своего края, развитие краеведения, экскурсионной и туристической молодежной политики. Сегодня в этой области царит идейный хаос – подростки зачастую попадают в лагеря неоязыческой ориентации, в сообщества, культивирующие экзотические, а то и откровенно мракобесные ценности и установки. *Жизненно важно перехватить инициативу, воссоздать детский и юношеский туризм по родной стране, прежде всего культурно-исторический*. Туристическая сеть выстраивается вокруг символических точек, напрямую связанных с высокими культурными образцами. Это места памяти русских и советских писателей, ключевых моментов отечественной истории во всех ее проявлениях – светлых и трагических (таких, как расстрельный полигон в Бутово и др.). «Кладбищенской» памяти о терроре не нужно бояться. Патриотическое чувство причастности к родной истории воспитывается и через сострадание, ведь в советское время патриотическую память о войне поддерживали поездки школьников на Пискаревское кладбище и в другие аналогичные места.

Необходимо обратиться к испытанным внешкольным программам детской и юношеской активности, в частности, к практикам скаутского движения (с которых фрагментарно и идеологически избирательно копировалось движение советской пионерии), поощрять различные формы спортивной и оздоровительной активности, семейного досуга.

В связи с поставленной задачей – *соединить разошедшиеся культурные практики и символические образцы* – придется менять отношение государства и к массовой культуре. В современном обществе, в новой медийной среде именно она во многом определяет мировоззренческие и ценностные установки молодых людей. И либо адаптирует высокие образцы для широких масс, либо окончательно рушит последние мосты к ним. *Голливудская продукция побеждает не из-за сговора «пятой колонны», а потому что американские образцы и глобальные практики слиты в ней воедино, а российский масскульт, ориентированный на молодежь, рвет последние скрепы между миром отечественных образцов и реальными жизненными практиками.*

Что нужно для появления массовых произведений – от фильмов до книг и компьютерных игр, способных формировать чувство патриотизма, национального достоинства и гордости за трагическую, но великую историю страны? Первый ответ дан выше – формировать запрос на нелживый разговор о родине. Второй – давать талантливому отечественному масскульту двойную защиту и от тотального рынка, ведущего к распаду, и от прямого госзаказа, порождающего двоемыслие. Выстраивать грантовые и технологические условия для молодых, талантливых авторов, готовых искренне говорить о важном, способствовать обновлению и ротации творческих элит.

Символы – в практику, образцы – в современность

Выше намечены первоочередные шаги по «вытягиванию» культурных практик из зоны провала. Ограничиваться ими ни в коем случае нельзя; одна из причин, по которым не работают привычные каналы распространения высокой культуры – деградация аудитории, тотальное отставание зрителей, читателей, слушателей от мировых трендов в искусстве.

Необходимы срочные усилия по вовлечению «простых людей» в дискуссионные клубы по культурным интересам (от кино до книг) и в любительское творчество. Начать можно с воссоздания сети детских творческих кружков в рамках внешкольного образования, а продолжить грантовой муниципальной поддержкой художественной самодеятельности, ее традиционных (театрально-музыкальных) и современных (самодеятельное кино, анимация, ТВ) форм. Формула проста: от маленького писателя/актера/исполнителя/режиссера к большому читателю/зрителю/слушателю. Развитие творческого потенциала личности на всех этапах жизненного пути должно стать одной из целей национального развития, наращивания социального капитала страны. Гранты, распространение проектных форм культурной активности (при условии соблюдения честных «правил игры») – наиболее перспективный инструмент выявления и поддержки талантливой творческой молодежи. Они (и в целом проектно-ориентированные способы поддержания культурной и творческой активности) должны не заменять, а дополнять инфраструктуру творческой жизни. Прежде всего, речь идет о школах и коллективах для детей и молодежи, а также различных площадках творческой активности. Помимо классической сети учреждений (творческие ассоциации, театры, концертные и выставочные залы и т.д.) необходимы современные динамичные площадки – фестивали, центры современного искусства, стимулирование культурных индустрий. Главная задача культурной политики в этой сфере заключается в том, чтобы обеспечить встречу художника и аудитории, создать условия для их интенсивного взаимодействия.

Где разворачивать дискуссионные площадки и создавать кружки? Если имеются хорошие областные и районные библиотеки – на их территории, не смущаясь тем, что многие придут не читать, а смотреть и слушать. Начав смотреть – многие потом захотят и прочитать. Там, где подходящих библиотек нет – запустить (уже намеченную) программу строительства *недорогих* многофункциональных региональных центров культуры.

Сложнее и важнее ответить на другой вопрос: как сблизить классические образцы с культурным опытом новых поколений? Как их актуализировать? И подчеркнуть те начала, которые соответствуют задачам развития страны?

Отчасти ответ дается в главе нашей Стратегии, посвященной образованию; можно добавить несколько позиций.

1. Нужно срочно и однозначно признать тот факт, что русская культурная матрица «защита» в классической литературе XIX и XX века, как немецкая – в философии и музыке, французская – в театральной и музейной сфере, и вернуть литературу в число обязательных предметов.

2. В школьном курсе отказаться от революционно-демократической традиции усеченных трактовок классики. Неправда, что русская литература презирает деньги и успех, она презирает только бессмыслицу – Онегин, Безухов, Ипполит Мышкин отнюдь не бедствуют, а Карамзин в «Записке о древней и новой России» учил царя Александра I, как строить финансовую систему государства. Неправда, что гордость за империю всегда противопоставлена идеалу свободы – Пушкин был певцом империи и свободы. Неправда, что презрение к чиновной тупости обязательно вело к отказу от сотрудничества с государством – чиновниками были и Державин, и Вяземский, и Гончаров, и Салтыков-Щедрин.
3. Финансировать сериальные экранизации классических произведений с расчетом на разную возрастную/образовательную среду, допуская до участия в конкурсах только лучших российских и мировых режиссеров. *Параллельно с этим системно поддерживать школьные самостоятельные экранизации русской классики* – чтобы представители нового поколения входили в *тексты* через понятный им видеоязык и относились к ним как к современному и актуальному явлению.
4. Поддержать наметившуюся тенденцию оцифровки и электронного продвижения классики – таких проектов, как «Весь Толстой», только что запущенный толстовским музеем, с вовлечением подростков в качестве волонтеров оцифровки.
5. Способствовать включению классических сюжетов, героев, мотивов в производство современности – через вольные инсценировки, свободно обращающиеся с классикой и ее персонажами, через создание (прежде всего усилиями молодых аниматоров) мультфильмов по мотивам классических книг.
6. Рассмотреть возможность наделения Министерства культуры политическими функциями, передав в его ведение школьное образование/воспитание и превратив в Министерство культуры и просвещения.

Уже начала складываться практика (но ее нужно форсировать) по превращению крупнейших литературных центров в градообразующие предприятия. Михайловское, Ясная Поляна, станица Вёшенская, Поленово и др. – образцы современных культурных производств, которые создают живую жизнь вокруг себя; они затягивают сегодняшнее искусство внутрь классического контекста, организуя литературные фестивали, театральные конкурсы, художественные акции на территории музеев-усадеб. Это тоже мощный резерв классики как *фабрики современности*.

Не менее важным фактором объединения гражданской нации вокруг символических представлений и культурных образцов может стать культ русского литературного языка. Только не в сегодняшнем пошло-бюрократическом облике «защиты» от непонятной угрозы, а в творческой форме восхищения, гордости и любви к нему. Программы на ТВ, подготовленные лучшими профессионалами, игры, в центре которых – знание русского языка, та же анимация, развитие проекта «Тотальный диктант»^[22] и превращение его в общенациональный – все это может дать и политический эффект. Рост русского национализма, а перспектива шовинизма со стороны государствообразующего этноса грозит бе-

---

22 Можно вспомнить об опыте Франции, где посещение внешкольных кружков – учебная обязанность, под это выделяется один день в неделю.

дами многонациональному государству. Опыт других распавшихся империй, от Франции до Великобритании, показывает, что национальное чувство, вовремя перенаправленное в безопасное русло, обеззараживается и становится силой созидательной. Языковой и литературный национализм – лекарство от постимперского шовинизма. Не единственное (о чем будет сказано ниже). Но действенное.

При этом совершенно ясно, что «литературоцентризм» не может и не должен быть заменой развитой философской традиции, он не может сам по себе компенсировать торжествующий антиисторизм и массовое невежество в сфере искусства, особенно XX и XXI веков; зато он может стать «мотором» для вытягивания других гуманитарных сфер, доминантой, стягивающей культурное пространство в общий узел.

Городские пространства: завершить урбанизацию

Советская урбанистическая политика была неравномерной, подчас насильственной и скоротечной, и мы получили в наследство культурно разнородную страну с множеством несовместимых укладов. Пока их удастся выдавать за «национально-территориальное своеобразие», но на деле это главный фактор цивилизационной и даже политической разорванности страны. Мы живем в типовой ситуации незавершенного модерна: традиционный мир деревни повсюду исчез, городской сложился не везде, а в депрессивных зонах остатки прежней урбанизации медленно вырождаются в полугородскую среду поселений. Символом страны становится *городская окраина* с высоким уровнем криминала, слабой семьей, разложением традиционных ценностей, включая религиозные.

Если не решить эту проблему, ни о каком воссоединении реальных практик и высоких образцов речи быть не может; без завершения урбанизации не восстановить российскую культуру во всей ее полноте.

Как действовать?

1. Проводить новую муниципальную политику, центром которой должны стать точки культурного роста, интенсификация культуры, укорененной в местных сообществах.
2. Преодолеть роковой тренд – молодежь ориентируется на столицу как единственное воплощение городской цивилизации и ворота в глобальный мир. И городская цивилизация, и глобальный мир должны воспроизводиться на региональном уровне.
3. Развивать города так, чтобы не просто удерживать в них дееспособное население, но привлекать в регионы людей с высоким уровнем социального и культурного капитала. Для этого нужно экономическими и политическими методами совершенствовать досуговые формы городской культуры, выстраивать систему центров современной культуры, менять функции и облик библиотек, детских и молодежных учреждений, содействовать городскому активизму неформальных групп и становлению креативных индустрий. С этой задачей может справиться только государство – при опоре на *независимые* институты гражданского общества.

Но процесс урбанизации предполагает **повышение качества социального и культурного капитала**, оздоровление городских сообществ, о деградации которых сказано выше. Следовательно, ставку нужно делать на волонтерские и благотворительные организации, активную жизнь церковных общин, организацию клубов по интересам, некоммерческих институтов гражданско-политического характера. Если «городское планирование» требует именно ведущей роли государства при опоре на общество, то оздоровление городской среды не терпит чрезмерного государственного вмешательства. Тут государству нужно жестко контролировать лишь экстремистские проявления, а в остальном создавать условия для самостоятельной активности горожан, которые сами будут генерировать социальный и культурный капитал.

Кризис ценностей, мораль и религия

В силу описанных причин (двойной негативный отбор, незавершенная урбанизация, разрыв между образцами и практиками) современная Россия столкнулась с самым серьезным в новейшей истории кризисом ценностей. И, соответственно, кризисом морали, поскольку тиражирование абстрактных, оторванных от жизни норм и правил не воздействует на сознание и совесть сограждан. Серьезная работа в этой сфере является необходимым условием успешных стратегий культуры.

Нужно срочно, системно, *всеми* доступными методами от школы до искусства и от политики до экономики восстанавливать в правах:

1. *ценность личности*, которую не нужно путать с атомизированным индивидуализмом. Эта ценность неочевидна ни для политической бюрократии, ни для образованного слоя интеллигенции, которая чуть ли не нормой считает слово «быдло» применительно ко всем, кто не она. Между тем, ценность личности предполагает всеобщее и взаимное признание *права на неповторимость* за всеми людьми, как в своей стране, так и в мире. Без нее, среди прочего, невозможно «правовое сознание»;
2. *ценность внутренней жизни*, которая противостоит возобладавшей потребительской установке, стремлению демонстрировать внешнее превосходство, прежде всего материально-телесное;
3. *ценность добродетелей* – честности, мужества, справедливости, благоразумия, всего того, что размывается, снижается и высмеивается философией внешнего успеха;
4. *буржуазности* – которая на языке разночинной риторики, воспринятой советской и постсоветской интеллигенцией, равнозначна пошлости и бездуховности, а на самом деле является *городской* культурой разумной золотой середины, системой правил среднего класса, который еще Аристотель определил как группу не господ и не рабов, а тех, кто умеет как управлять, так и подчиняться. Буржуазная культура – это культура урбанистического комфорта, здорового скептицизма, сомнения в любых популистских обещаниях и утопиях. Это культура собственника, который участвует в создании общего блага, поскольку позаботился о собственном благе и благе своей семьи. Наконец, это культура семейного круга и дружбы.

Для восстановления ценностей потребуются всеобщие усилия и готовность задействовать все механизмы. Но какие институты должны быть опорными в процессе воссоздания, восстановления ценностей и морали? Ответа на этот вопрос сегодня нет. Все чаще эту задачу стремятся делегировать религиозным институтам. В большинстве регионов – православной церкви, в части, с еще *большим* рвением, исламу. Это как минимум спорное решение – хотя само по себе возвращение веры в жизнь нашего общества процесс благотворный.

1. Массовая десекуляризация постсоветского общества имеет поверхностный характер; возвращение ко многим ритуалам жизненного цикла (крестины, ритуализованный брак, похороны и т. д.) часто принимает самые примитивные суеверно-магические формы.
2. Замыкая мораль на религию, мы неизбежно провоцируем аморальность как норму безрелигиозного поведения: не верю или верю слабо значит свободен от морали.
3. Мораль, в отличие от религии, дело земное и не мистическое; в ней важны не слова и даже не переживания, а осязаемые дела.
4. Религиозные организации рискуют, беря на себя заведомо невыполнимые обязательства по установлению морали на деморализованной территории.

Правда, дело со светской моралью и ее институтами обстоит так плохо, что ставки на ее культивирование вообще обречены на провал. Тут нужен интеллектуальный штурм, общенациональная дискуссия о ценностях, морали, роли религии и светских организаций в восстановлении *моральной культуры добродетелей*.

Культурная идентичность

Все перечисленные задачи (формирование гражданской нации, воссоединение культурных практик и культурных образцов, воспитание локального патриотизма, урбанизация, восстановление ценностей и морали) неразделимо связаны с самым серьезным культурным вызовом современности. А именно: как преодолеть *кризис культурной идентичности*? В результате двойного негативного отбора и целого ряда других исторических процессов Россия застряла на полпути между сложным имперским образованием и «нормальным» национальным государством европейского типа. Многообразие этносов и народов, религий, нарастающие социально-экономические и культурные дифференциации, отсутствие консенсуса в отношении ключевых эпизодов истории – все это создает отчаянные трудности при попытке подойти к решению этой проблемы.

О том, что сегодня является культурным цементом, по-прежнему скрепляющим Россию, сказано выше: русский язык и литературное наследие. Но язык сам по себе, литература в отрыве от всех других сторон национальной жизни не могут служить достаточным средством поддержания идентичности. Нужны другие фундаментальные основы.

Одной из скреп – просто в силу упрямого политического факта – может и должно быть само государство *Российская Федерация*. Политическое единство его территории, а также единство гражданства являются залогами и формами проявления культурно-исторической идентичности. Чем наполнить эту форму – вопрос следующий. Приемлемым вариантом формирования государственно-центрированной идентичности представляется *прагматический гражданственный национализм*: мы образуем российскую политическую нацию, потому что это хорошее и приемлемое решение для нас и наших детей.

Но только прагматикой ограничиться невозможно; необходимо подкрепить ее эмоционально-символической привлекательностью, *образом* страны. Самым простым кажется «довод из прошлого»: российское государство состоялось как военно-политическая форма в процессе войн, и, продвигая в массовое сознание имена и образы героев, мы задаем идентичность через историю побед. Однако ограничиться этим не удастся: советский пантеон потускнел и осыпался, новый так и не сформирован, а политическая история страны слишком драматична. Поэтому (отчасти об этом сказано выше) нужно искать неполитические символы примирения: в области литературы, науки, подвижнической работы и героизма в обыденной жизни.

Альтернативный вариант – утопический. Попробовать выстроить идентичность не через славное прошлое, а через великое будущее: вот к чему мы идем, вот какая грандиозная задача нас объединяет. Такое, в принципе, возможно, но никто еще не предложил убедительного и приемлемого для большинства образа будущего; пока это только гипотеза.

Религиозно-конфессиональная идентичность – при всей неоспоримой важности – имеет серьезные ограничения в общегражданском плане. В отличие от гражданской идентичности она потенциально конфликтна.

Если говорить о нетривиальной стратегии, то имеет смысл обдумать следующий вопрос. Россия – единственная из развитых стран иудеохристианской цивилизации, которая не настаивает на преимуществах с *классической античной культурой*. А ведь исторические связи русского православия с античностью, опосредованные Византией, более чем очевидны. И никакого мира русских литературных образцов, нашего золотого запаса, без античности не было бы; пушкинский миф держится на ней, как на фундаменте. Античное наследие не менее значимый элемент ислама – это ясно всякому, кто знаком с его интеллектуальной историей. Кроме того, античность – принципиальный элемент идентичности светской рациональной и гуманистической традиции. Классическая культура является в то же время необходимой составной частью христианской морали (это обстоятельство известно наиболее проникательным историкам европейской цивилизации), равно как и неизменным образцом для культивирования гражданственности, гражданских добродетелей, ценности свободы. Возврат (через образование, искусство, медиа) к классической культуре и ее образцам стал бы ответом на значительную часть критических проблем, перечисленных выше. Без возврата к этим истокам современная Россия рискует все дальше скатываться в *псевдоцивилизационный изоляционизм*, выдумываемый и пропагандируемый различными идеологами соответствующей ориентации.

Культурное наследие: реформаторский потенциал

Вопрос о культурном наследии относится к области высокой культуры, к сфере образцов, но связан и с проблемой современных практик. Выделим основные области, на которых необходимо сконцентрировать целенаправленные усилия.

Архитектурное культурное наследие. Ситуация в области защиты и охраны памятников российской культуры и архитектуры не просто тревожная; она на грани катастрофы. Множеству объектов культурного наследия грозит необратимая утрата, и, несмотря на ряд заметных общественных инициатив (прежде всего, в столице и крупных российских городах), доминирует безразличное отношение общества к этой области культуры. Основная ответственность остается за государством: необходима долгосрочная национальная программа, нацеленная на сохранение, поддержание и реконструкцию историко-архитектурного наследия, новые технологии его актуализации в рамках развития туризма и досуговой мобильности. Но – и это принципиально – без привлечения бизнеса и частных инвестиций, без поощрения культурной благотворительности, задача *уже нерешаема*. Государство обязано использовать свои ресурсы влияния для целевого стимулирования интересов бизнеса к разрушающимся объектам культурного наследия, включая систематическое широкое публичное освещение и поощрение подобных инициатив. Для определения приоритетов в этой сфере уместно – на основе научного Свода памятников, который разрабатывает ГИИ при Министерстве культуры РФ – создать постоянно обновляющийся перечень объектов, требующих первоочередной незамедлительной поддержки («Красную книгу» исторического наследия России), а также службу быстрого реагирования на возникающие критические ситуации.

Срочно нужна *программа поддержки волонтерской, прежде всего, молодежной деятельности по сохранению памятников культурного наследия*, которое, если и разворачивается, то вопреки воле государства или при его полном безразличии. Подобная деятельность наилучшим образом содействовала бы приобщению российской молодежи к поддержанию и обогащению культурно-исторической памяти, становясь принципиальным элементом молодежной культурной политики.

Новые технологии. Одна из ключевых проблем современной российской культуры заключается в том, что общество крайне плохо информировано о собственном колоссальном культурном наследии, доступ к нему затруднен, ограничен или невозможен. Чтобы приобщиться к истории нашей собственной культуры, зачастую приходится обращаться к зарубежным ресурсам (*Google Books*, французской Национальной библиотеке *Gallica* и др.) Требуется долгосрочная и масштабная программа по созданию современных информационных продуктов и формированию инфраструктуры для обеспечения равного доступа граждан России к культурным благам, национальным и мировым культурным ценностям. Для этого (о чем уже говорилось в связи с проектом «Весь Толстой») надо использовать современные цифровые технологии.

К сожалению, в этой области тоже накопилось множество структурных проблем: проекты культурной и культурно-исторической направленности, созданные по государственной инициативе, существуют сами по себе, а общественные информационные, культурно-просветительские инициативы живут собственной жизнью. Государственная политика в этой области должна строиться, прежде всего, на создании удобной инфраструктуры для реализации различных общественных, частных и региональных инициатив.

С чего начать?

1. Общенациональный портал памятников истории и культуры России с максимально широкой интеграцией общественной и частной инициативы на этом ресурсе.

2. Общенациональный библиотечный портал с программой оцифровки фондов библиотек государственных организаций, включенных в «Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ», темп оцифровки не менее 2 млн. документов в год, обеспечение полного открытого доступа (включая доступ к распознанным документам в формате *pdf*) к изданиям с истекшим сроком интеллектуальных прав. Следует поднять вопрос о полной оцифровке советского культурного наследия как общенационального достояния.

3. Единый информационно-библиотечный портал, открытый для всех российских вузов и академических институтов, который вообще не должен иметь ограничения для доступа к библиотечным фондам, а также фонду российских диссертаций (сегодня предоставляемых на платной основе).

4. Общенациональный архивный портал, включающий не только бумажный архив, но и киноархив, а также возможность модерлируемого депонирования частных архивов на электронную платформу.

5. Следует вернуться к замыслу программы электронного каталога российских музейных фондов, которая, несмотря на затраченные средства, не реализована. В идеале подобная информационная система не только повышала бы доступность музейного культурного наследия в информационном плане, но и служила бы стимулом для развития внутреннего культурного туризма – сегодня люди просто не знают, что могут увидеть в том или ином музее.

Кроме того, нужна легализация существующих каналов доступа к культурной информации. Прежде всего, это касается использования широко развитых пиринговых технологий обмена информацией и создания (возможно, при первоначальной поддержке государства) разумно коммерциализированных ресурсов доступа к культурным продуктам, включая современную кино- и театральную продукцию. Наличие подобных ресурсов принципиально для молодых деятелей культуры и искусства, стимулирует творческую конкуренцию и отбор наиболее достойных.

Культурно-ориентированный туризм и локальная культура

Выше сказано о роли детского и юношеского туризма в культурном возрождении. Россия с ее колоссальными природными и культурными богатствами вообще катастрофически недоиспользует свои ресурсы в сфере любого туризма. А это прямой путь и к символическим образцам, и к современным практикам; это явленный патриотизм и прошлое в его взаимодействии с современностью; это незадействованный ресурс экономики.

Серьезным препятствием, конечно, остается транспортная и бытовая инфраструктура. Однако не меньшую роль играет провальная информационно-культурная политика, затрудненный доступ к информации об интересных культурных и природных объектах. Советская культурная история выстраивалась как централизованная надстройка над локальным культурно-историческим разнообразием, по инерции эта стратегия воспроизводится и в современной России. (Образцово-негативным примером здесь может служить такой исторический город как Суздаль: городская музейная инфраструктура иллюстрирует исключительно историю Российского государства.) Однако сегодня в мировой экономике туризма преобладает именно локальность. Для принципиального изменения ситуации в этой области необходима реализация следующих культурно-информационных программ:

1. Создание, развитие и поддержка информационных и инфраструктурных условий для развития *краеведческой деятельности*: адресная поддержка регионального краеведения и создание общенационального краеведческого портала. Подобный ресурс дополнял бы другие национальные информационные ресурсы о российской культуре (музеи, охраняемые государством объекты культурного наследия) сведениями о местной истории и достопримечательностях.
2. Возобновление – при первоначальной инициативе государства – *разветвленной* серии путеводителей по России (аналогичной, например, выдающейся советской серии «Дороги к прекрасному», но осовремененной) плюс интернет-версия проекта.
3. Создание информационных ресурсов по природным памятникам, популяризация экологического туризма.
4. Реализация целевых программ создания курортных кластеров.

Чтобы стать по-настоящему современным, успешным, конкурентоспособным и творческим, российское общество просто обязано вернуть культуре чувство уверенности в себе на региональном, муниципальном и, если угодно, «соседском» уровне – одновременно связав их с общегосударственной идентичностью. Предметом целенаправленной региональной культурной политики должно стать брендинг территорий, поиск специфики локальной увязки территории и культуры, а также их эффективного позиционирования и использования. Это позволит региональной культурной единице: 1) самоидентифицироваться как в пределах страны, так и в глобальном пространстве, 2) вступить в конкурентное поле соперничества за инвестиции, правительственные программы, туристические маршруты, миграционные и трудовые потоки.

Данная политика может быть эффективно реализована лишь по мере делегирования ресурсов и функций на уровень местной власти. Требуется развитие форматов коммуникации о данной проблеме. Одним из рекомендуемых экспертами способом решения является создание общественных советов с соответствующими компетенциями и задачами, обеспечивающих взаимодействие всех заинтересованных сторон – местной власти, бизнеса, горожан и городской интеллигенции.